

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

КОГДА РАЗУМ БЕССИЛЕН — ДОВЕРЬСЯ ИНСТИНКТАМ

ЭШАФОТ для
ТОП-МОДЕЛИ

Чингиз Акифович Абдуллаев

Эшафот для топ-модели

Серия «Абдуллаев. Мастер криминальных тайн»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5816566

Эшафот для топ-модели / Чингиз Абдуллаев: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-64482-7

Аннотация

Частный сыщик Дронго знакомится в Париже с невероятно красивой графиней Шарлеруа. Он приглашает ее на ужин, но женщина на свидание не приходит. Спустя некоторое время сыщик узнает, что графиня была убита. Дело об убийстве поручают опытному французскому следователю Энн Дешанс, но знакомый из Интерпола просит Дронго помочь с расследованием. Сыщик тщательно изучает биографию графини и приходит к выводу, что ее смерти желали очень многие: муж, любовник, бывший спонсор, прислуга – всех не перечесть. Но кто же убийца? Ответ на этот вопрос Дронго готов найти во что бы то ни стало...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	17
Глава третья	31
Глава четвертая	48
Глава пятая	62
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Чингиз Абдуллаев

Эшафот для топ-модели

©Абдуллаев Ч.А., 2013

©Оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*И всюду клевета сопутствовала мне,
Ее ползучий шаг я слышала во сне.*

Анна Ахматова

Зависть есть ненависть, поскольку она действует на человека таким образом, что он чувствует неудовольствие при виде чужого счастья и, наоборот, находит удовольствие в чужом несчастье.

Барух Спиноза

Глава первая

Каждый раз, вспоминая об этом преступлении, Дронго не мог простить себе очевидного промаха, который он допустил во время расследования. Ему все время казалось, что его ошибка стала известна всем, и многие, не скрывая своего отношения, с удовольствием вспоминают его оплошность в этом нашумевшем деле. С другой стороны, оно было запутано до такой степени, что его разгадка представлялась довольно сложной задачей, с которой было совсем не просто справиться.

Погожим, солнечным днем он прибыл на Северный вокзал Парижа. Выйдя из здания вокзала, он огляделся. Когда-то много лет назад это было одно из самых злачных мест французской столицы, а прилегающие районы считались не самыми безопасными в городе. За столько лет все изменилось. Два вокзала, находившиеся недалеко друг от друга – Северный и Западный, были реконструированы. Вокруг открылись новые рестораны и магазины, аптеки и кафе. На Северном вокзале появился терминал поездов Евростара, ходивших по маршруту Париж – Лондон под Ла-Маншем.

Он впервые прибыл в этот город совсем молодым. В те времена, когда любой выезд во Францию был почти невозможным событием. Тогда Советский Союз официально не имел никаких контактов с Интерполом и формально не вхо-

дил в эту организацию. Именно тогда молодой сотрудник был рекомендован для контактов со специальным отрядом экспертов, которых потом назовут «голубыми ангелами».

Он влюбился в этот город раз и навсегда. И хотя потом у него появилось еще несколько любимых городов, Париж, как первая любовь, навсегда остался в его сердце. Теперь, спустя столько лет, побывав в этом городе много раз, он знал его почти наизусть. Именно поэтому, выйдя из здания вокзала, он направился в сторону центра, покотив за собой свой небольшой чемоданчик на колесах. Он всегда любил ходить пешком, а в таких городах это было особенно приятно, так как можно было пройти достаточно большие расстояния до нужного места.

«Значит, прошло уже больше четверти века с тех пор, как я впервые сюда приехал», – вспомнил он. Больше четверти века. Страна, из которой он прибыл, тогда была совсем другой. И Франция тоже была совсем другой. Все изменилось – в лучшую или худшую сторону, думал он. Говорят, что нужно уметь принимать любые изменения. Или это ностальгия по прошлому? Не рано ли, в его возрасте?

Он продолжал неспешно идти. В детстве он любил смотреть французские и итальянские фильмы. Теперь он узнавал многие места, которые показывали тогда в кинотеатрах его родного города. В шестидесятые и семидесятые годы число людей, побывавших в Париже или Риме, было так малочисленно, что родные и знакомые гордились каждым из таких

«путешественников». Только дипломаты, спортсмены, международные журналисты и деятели культуры могли бывать в этих городах и соответственно рассказывать потрясенным родственникам и друзьям о своих приключениях.

Ему отчасти повезло: он сразу начал ездить в зарубежные страны по линии Интерпола, успев побывать во многих государствах мира. Туристам и командированным везло меньше. Туристам выдавали только символические деньги на мелкие сувениры. Приходилось выкручиваться, продавая водку и икру, привезенные из Союза. Новое поколение уже не может даже представить, что прибывающие из Союза командированные сами варили себе супы, обедали привезенными консервами и пили чай, вскипяченный прихваченными с собой маленькими кипятильниками, чтобы сэкономить деньги. Иностранных денег ни у кого не могло быть. Даже за найденные десять долларов могли посадить в тюрьму на десять лет. Валютные операции считались одним из самых страшных преступлений в бывшем Союзе.

Все это было в прошлом. А сейчас он дошел до здания Оперы и свернул налево, направляясь к знаменитой Вандомской площади. Отсюда до отеля было совсем немного. Он зашагал чуть быстрее и уже через несколько минут входил в расположенный на небольшой улице Кастильоне отель «Лотти», выходивший на знаменитую улицу Риволи, где находился Лувр.

Его обычно называли Дронго. Под этим именем он был

известен во всем мире как один из самых известных аналитиков и экспертов по самым запутанным и тяжким преступлениям. Его легенда давно сделала саму кличку нарицательной. Многие люди уже не знали его имени, считая, что именно так и нужно к нему обращаться.

В отеле его ждали. Он привычно останавливался в отелях, в этом районе. «Мерис», «Крийон», «Лотти», «Хаят» и, конечно, «Ритц» находились в нескольких сотнях метров друг от друга. На этот раз он заказал себе номер в «Лотти», уже зная, что здесь много русскоязычных сотрудников, работающих в отеле. Даже в отделе регистрации были девушки, прибывшие из Украины или Белоруссии.

Оформлявшая ему номер женщина была француженкой, которая говорила с ним по-английски. Французы традиционно не любили говорить на этом языке, но в подобных местах делались редкие исключения для гостей отеля. У него уже взяли кредитную карточку, чтобы заблокировать нужную сумму на оплату номера, когда в холле отеля возникло непонятное оживление. Затем пробежала какая-то сотрудница с большим букетом цветов. Появились двое журналистов с фотоаппаратами. И он услышал за спиной, как двое неизвестных мужчин разговаривали по-русски:

– Сейчас приедет наша дива. Они уже давно выехали из аэропорта.

– Ты говорил с ними, Слава?

– Конечно. Я разговаривал с Леоном Арташесовичем. Он

подтвердил, что они выехали. Не волнуйтесь, Павел Леонидович, они будут здесь с минуты на минуту.

– А я не волнуюсь. Еще не хватало волноваться из-за этой суки! Ты сам знаешь, сколько крови она нам испортила. Я бы ее своими руками давно придушил, если бы она не была «золотой курицей». Никогда не понимал, что они в ней нашли. Кожа и кости. Длинные ноги и улыбка абсолютной стервы. Эти европейцы всегда были чокнутыми от длинных ног...

– Они считают ее самой красивой.

– Пусть считают. Лишь бы она приносила такие деньги. Идем быстрее, встретим их у входа.

Дронго оглянулся. Павел Леонидович был плотным мужчиной пятидесяти лет, круглолицый и ухоженный, с чуть тронутой сединой шевелюрой. Модные очки с серебристой оправой выдавали в нем человека со вкусом. Сопровождавший его Слава был высокого роста, немного нескладный, с голенастыми конечностями и худой длинной шеей с выступающим кадыком. Появился еще один корреспондент, который весело кивнул портье, оформлявшей номер для гостя, и что-то сказал по-французски. Она улыбнулась и, пожав плечами, ответила.

– Что происходит? – спросил Дронго, – вы ждете какого-то важного гостя?

– Графиня Шарлеруа, – пояснила портье, – может, вы слышали? Ваша соотечественница.

– В каком смысле?

– Ирина Малаева, – улыбнулась портье, – но сейчас ее называют графиней Шарлеруа по мужу. Она известная фото-модель и актриса, разве вы про нее не слышали?

– Наверное, я запамятовал, – несколько смущенно признался Дронго, – это не та русская модель, которая вышла замуж за известного аристократа? Кажется, у них трое детей.

– Вы путаете, – терпеливо сказала портье, – это другая русская модель, тоже очень популярная в нашей стране – Наталья Водянова. Она была замужем за лордом Портманом, и у нее действительно трое детей. Но они развелись, и она сейчас встречается с нашим соотечественником...

Портье не договорила, когда в холл вошли несколько человек. Раздались крики фотокорреспондентов и журналистов. Среди вошедших была высокая молодая женщина, блондинка с запоминающимися раскосыми глазами изумрудного цвета. Она лениво оглядела собравшихся, проходя через весь холл. За ней спешили несколько мужчин, среди которых выделялся невысокий седой мужчина с характерными небольшими усиками, большим носом и несколько вытянутым лицом, очевидно, сопровождавший ее в этой поездке. Он держался рядом с ней, но шел чуть позади, и было понятно, что этот господин не является ее мужем. Журналисты бросились к приехавшим, фотокорреспонденты начали лихорадочно щелкать своими фотоаппаратами.

– Почему вы не поехали в «Ритц»? – спросил один из журналистов.

– Мне там не понравилось в прошлый раз, – ответила Малаева, натянуто улыбаясь, – там слишком шумно.

– Ваше имя связывают с известным владельцем казино «Черная орхидея» господином Тугутовым, – крикнул другой журналист, – вы можете подтвердить свое знакомство с ним?

Сопровождающий ее господин нахмурился.

– Мы действительно знакомы, но не более того, – сумела улыбнуться Малаева.

– Это правда, что вы будете сниматься в новом фильме Содеберга? – спросил третий журналист.

– Мне поступило такое предложение, но пока ничего более конкретного я сказать не могу.

– Спасибо, господа, – сказал следовавший за ней седой мужчина, – давайте закончим. Госпожа графиня прилетела из Америки, и перелет был достаточно долгим. Она должна отдохнуть.

Они проследовали дальше к трем лифтам, находившимся в старом здании, окна которого выходили на улицу Кастильоне. Портье, поднявшаяся при появлении гостей, уселась на место и протянула Дронго пластиковую карточку-ключ.

– Ваш номер делюкс в новом крыле здания, – любезно сообщила она.

– Спасибо. – Он поднялся, чтобы пройти к двум лифтам, находившимся в глубине холла. Подошел он туда как раз в тот момент, когда рядом появились две незнакомки. Одной было лет двадцать пять, другая была лет на пятнадцать стар-

ше. Молодая была среднего роста шатенка со вздернутым носиком и коротко стриженными волосами. Вторая была сухая, жилистая, высокая женщина с красноватым, словно обожженным лицом. Первая была личным визажистом графини Шарлеруа, а вторая была ее массажисткой. И если первая приехала из Москвы, то вторая была полькой.

– Ты видела, как ее встречали? – очень тихо спросила первая. – Как настоящую королеву.

– Она графиня, а не королева, – усмехнулась вторая, – ты слышала, как она соврала насчет «Ритца». И про Тугутова она тоже ничего не стала говорить.

Эта женщина говорила по-русски с заметным польским акцентом.

– Тише, – оглянулась первая, – нас могут услышать.

– Ты всего боишься, Галина, – заметила вторая, – здесь никто не говорит по-русски.

– Сейчас везде понимают по-русски, – возразила Галина, – а я не хочу потерять свое место. Поэтому давай ничего не будем обсуждать, Беата, иначе нас может услышать кто-то из журналистов.

– Они уже поспешили в свои редакции выдавать репортажи, – сказала Беата.

Вместе с Дронго обе женщины вошли в кабину лифта. Он спросил на английском, какой им нужен этаж, и Беата ответила, что четвертый. Очевидно, они жили в другом конце отеля, так как сама Малаева жила в самом большом сюи-

те, выходявшим на улицу Кастильоне, в соседнем здании на третьем этаже.

«Странно, что их не поселили рядом», – машинально отметил Дронго. В кабине лифта они молчали. Женщины вышли из кабины, когда в коридоре появился какой-то мужчина с характерной внешностью азиата. Он был среднего роста, одетый в очень дорогой костюм, который шили по индивидуальному заказу, очевидно, в Италии. Можно было угадать марку и его галстука. И сразу определить стоимость его обуви – такие пары также шились вручную и стоили не одну тысячу долларов.

Увидев мужчину, обе женщины замерли. Остановились. Мужчина быстро прошел дальше, входя в какой-то номер. Очевидно, ему не хотелось, чтобы его увидели.

– Неужели он рискнул здесь появиться? – шепотом спросила Галина. – Они совсем сошли с ума.

Дронго уже уходил по коридору, но услышал и эти слова. Затем он прошел дальше и, открыв дверь своего номера, вошел в комнату, закрывая за собой дверь.

«У любого человека свои тайны, – привычно подумал он, – и свои скелеты в шкафу. Ничего удивительного».

Он достал свой ноутбук и решил посмотреть биографию Ирины Малаевой, ставшей графиней Шарлеруа. И уже через несколько секунд он знал, что ей исполнилось двадцать восемь лет, она родилась в Петрозаводске, не окончила среднюю школу, а получила вместо аттестата лишь свидетель-

ство, так как не смогла сдать выпускные экзамены. Зато сумела занять второе место на конкурсе красоты в родном городе и уже оттуда поехала в Москву на общереспубликанский конкурс. Непонятно было, почему поехала Малаева, занявшая второе место... На российском конкурсе она заняла только четырнадцатое место, не попав в финал, но нашла спонсоров, которые оплатили ее фотосессию и отправили на стажировку в Милан. Через три года она была уже одной из самых востребованных моделей в Европе. В двадцать пять она вышла замуж за графа Анри Шарлеруа, одного из родственников самих Бурбонов.

Разумеется, среди обилия информации по Малаевой были и сообщения из различных источников. В одной из статей сообщалось, что в прошлом году графиня останавливалась в «Ритце», где ее видели вместе с известным преступным авторитетом Мукуром Тугутовым, по кличке Мукур Бурятский. Газета даже намекала, что именно этот человек был спонсором и покровителем Малаевой.

Указывалось также, что она является одной из ведущих моделей известных итальянских домов моды и одной из самых высокооплачиваемых звезд, которые появились в Европе за последние несколько лет. Более того. Графиня уже успела сняться в трех фильмах, которые получили неплохие рецензии, а один из фильмов даже выбился в лидеры проката на целых две недели. Теперь все ждали очередного триумфа Содеберга, пригласившего модель в свой новый фильм, ко-

торый должен был сниматься во Франции.

Отца своего Малаева не знала, у матери их было двое от разных мужей. Еще в восьмом классе школы она дважды попадала в милицию – обвиняли в краже продуктов из ларьков. Чуть позже она работала в местной газете курьером, затем несколько месяцев была секретарем главного редактора, откуда прошла на конкурс красоты, уехала в Москву и уже не вернулась в родной Петрозаводск, где продолжали жить ее мать и младшая сестра.

«Типичная биография успешной модели, – подумал Дронго, прочитав жизнеописание графини Шарлеруа. – Сколько их, этих девочек, которые выбивались из общей толпы, делали головокружительные карьеры и становились звездами первой величины. Правда, удачные биографии можно было пересчитать по пальцам. А вот неудачных было так много, что из них можно было составить целый легион. Собственно, как и в любой другой профессии, особенно творческой. На одного удачливого тысячи неудачников. Причем соотношение всегда ужасное для проигравших. Один на десять или сто тысяч неудачников. И часто трудно понять, почему судьба так играет с человеком, когда неуловимая грань судьбы выбирает одного в звезды, а остальных предает вечному забвению».

Информации о Мукуре Тугутове было тоже достаточно много. Отмечались его две судимости, его связи с криминальным миром. На него было совершено покушение в

Санкт-Петербурге еще восемь лет назад, когда он чудом выжил, получив сразу две пули в живот. Тогда же в криминальной войне, начатой против него, погибли сразу три преступных авторитета, которых застрелили по приказу Тугутова. Особо отмечалось, что Интерпол проводил собственное расследование по всем фактам, связанным с Мукуром Бурятским.

Дронго закончил читать и закрыл свой ноутбук. Взглянул на часы. Нужно спуститься и пообедать где-нибудь рядом с отелем. Хотя в самом отеле очень неплохой итальянский ресторан. Но он помнил, что напротив было кафе-ресторан «Кастильоне», где он раньше обедал. И поэтому он решил перейти улицу, чтобы пообедать в уже привычном месте. Он даже и предположить не мог, что уже совсем скоро станет случайным свидетелем убийства и начнет собственное расследование, которое приведет его к парадоксальным выводам.

Глава вторая

В «Кастильоне» было привычно тихо и прохладно. На первом этаже находилось кафе, на втором ресторан, где было несколько посетителей. Дронго сел в углу и, сделав заказ, просматривал газету, когда услышал, как за его спиной уселись двое мужчин. Он чуть повернул голову: один из них был тот самый Тугутов, которого он уже видел в отеле. Его напарник говорил по-русски с сильным французским акцентом. Он и сделал заказ, попросив принести рыбу и легкие закуски.

– Господин Тугутов, вы очень рискуете, – начал незнакомец, – не нужно было появляться в этом отеле, куда приехала госпожа графиня. Вас могут узнать, и в результате будут такие же неприятности, как и в «Ритце». Но на этот раз все будет гораздо хуже, и нам не удастся замять этот скандал.

– Я должен был ее увидеть, – нервно сказал Тугутов, – вы же знаете, что все наши телефоны могут прослушиваться. И ее, и мой. Ее телефон с удовольствием слушают все эти сволочи-журналисты, а мой – ваши французские спецслужбы. Меня прослушивают с той минуты, как я приехал в вашу гребаную страну.

– Тише, – оглянулся француз, – не нужно так громко.

– Вы мой адвокат, господин Ле Гарсмер, и должны в первую очередь мне помогать, – жестко напомнил Тугутов,

у него был низкий, хриплый голос, — поэтому я приказал одному из своих людей снять номер в «Лотти», чтобы быть рядом с ней. Я должен с ней переговорить.

— Вы могли передать ваши послания через меня, — терпеливо напомнил адвокат.

— Я и так уже дважды звонил по вашему телефону, — напомнил Тугутов, — не считайте своих соотечественников идиотами. В ваших спецслужбах тоже работают достаточно профессиональные люди. Наверняка ваш телефон тоже прослушивается.

— Возможно. Хотя и необязательно. Я все-таки французский гражданин, и они обязаны получить разрешение на подобное прослушивание.

— Все, что касается меня, решается довольно быстро. Наверняка уже получили разрешение на прослушивание ваших телефонов.

— Тогда тем более вам не нужно здесь оставаться. Снимите номер напротив, в «Мерисе», а потом найдете возможность с ней встретиться.

— Хорошо, — согласился Тугутов, — я так и сделаю. Но учтите, что мне очень важно с ней встретиться и побеседовать. Ведь речь идет о моих деньгах. Она не может все время избегать этого разговора.

— Я обещаю вам, что лично зайду к ней и передам все ваши требования.

— И пусть она поймет, что я не шучу. Она слишком мно-

гим мне обязана.

– Не кричите, – снова попросил адвокат, – я все понял. Если получится, я зайду к вашему помощнику и оттуда позвоню ей по внутреннему телефону. Вы же знаете, что рядом с ней все время находится ее продюсер. Господин Аракелян не приветствует ваши контакты с его подопечной.

– Плевал я на него и его подопечную, – взорвался Тугутов, – вы не понимаете, что речь идет о пяти миллионах долларов, которые я должен вернуть обратно? Или мне самому войти в ее номер и выбросить этого продюсера из ее комнаты?

– Он живет рядом, а не в ее номере, – терпеливо напомнил Ле Гарсмер, – но учтите, что там, кроме охранников отеля, есть еще и ее личный телохранитель.

– Тоже мне охранники, – поморщился Тугутов, – мой помощник может удавить всю службу безопасности так быстро, что они даже не поймут, что происходит. Что касается ее телохранителя, то Алан скорее ее любовник, а не телохранитель.

– Господин Тугутов, – вздохнул адвокат, – вы делаете мою миссию почти невыполнимой. Не нужно так говорить. Я уверен, что мы сможем договориться. Госпожа графиня достаточно разумный человек и понимает, чем именно вам обязана.

– Это вы скажите ей, – резко сказал Тугутов, – и вообще, пусть она поймет, что со мной такие шутки не проходят.

Пусть вернет мои деньги.

В этот момент в зал ресторана поднялся еще мужчина, который сразу прошел к столику Тугутова.

– Здравствуйте, – негромко сказал он, поравнявшись со столиком.

– Добрый день, – вежливо поздоровался адвокат, поднимаясь, чтобы пожать руку.

Тугутов только недовольно кивнул.

– Садитесь, Павел Леонидович, – предложил адвокат.

Тот уселся за стол. Несколько секунд длилось молчание. Они смотрели друг на друга. Наконец Тугутов сказал:

– Ну... я слушаю...

– Я поговорил с Леоном Арташесовичем, – сообщил подошедший, – он считает, что она вам ничего не должна. Все прежние условия и договоренности были выполнены...

– Не все, – разозлился Тугутов, – эти контракты были подписаны благодаря мне. И мы тогда договорились, что вся сумма будет поделена ровно пополам. Я столько для нее сделал. Столько сделал, чтобы она подписала этот контракт. И сейчас, когда я на мели, она ведет себя как последняя дрянь...

– Извините, – прервал его Павел Леонидович, – я старался не вмешиваться в ваши разборки.

– Но проценты исправно получали, – вставил Тугутов, – а сейчас хотите выйти сухим из воды.

– Я не могу решать за нее, – напомнил Павел Леонидо-

вич, – и вообще, не совсем понимаю, почему вы позвали именно меня.

– Мне еще нужно объяснять? – Было понятно, что Тугутов с трудом сдерживается. – Это вы готовили ее контракт, и это вы были ее юридическим советником. Может, это вы посоветовали ей прятаться от меня и не платить моих денег? Или уже успели договориться с Аракеляном, как меня лучше кинуть.

– В таком тоне я не буду с вами разговаривать, – сказал Павел Леонидович.

– А я буду разговаривать именно в таком тоне. Только в таком тоне! – выкрикнул Тугутов. Раздался звон разбитой тарелки. Дронго не обернулся, хотя остальные немногочисленные посетители взглянули в сторону этого столика. Возможно, Тугутов ударил кулаком по столу и тарелка упала на пол или же неосторожным движением сбросил ее вниз.

К ним подскочил официант, чтобы собрать осколки.

– Осторожнее, – попросил Ле Гарсмер, – на нас обращают внимание. Если узнают, что вы находитесь рядом с ней...

– Левон Арташесович просил меня передать: они полагают, что полностью с вами рассчитались, – добавил Павел Леонидович, – вы получили по прежним контрактам больше пяти миллионов.

– И еще пять они остались должны, – вставил Ле Гарсмер.

– Они считают несколько иначе, – возразил Павел Леонидович, – вы получали в виде различных бонусов гораздо

больше денег.

– Пусть они не считают мои деньги, – зло огрызнулся Тугутов, – а вы не пытайтесь играть сразу за две стороны. Это всегда очень опасно.

– Вы напрасно на меня злитесь, – сказал примиряюще Павел Леонидович, – ведь вас с Ириной связывают и дружеские отношения. Вы сами могли бы договориться...

– Лучше заткнитесь, – окончательно вышел из себя Тугутов, – не нужно больше ничего говорить. Пять миллионов. Это мои деньги, которые я должен получить. Пусть вернет мои пять миллионов и живет как хочет. Меня она больше не интересует. Мне нужны только мои деньги. Так и передайте. Я хочу получить свои деньги и обещаю сразу исчезнуть из ее жизни.

– Вы же знаете, что все финансовые вопросы решает ее продюсер.

– Значит, я украду Аракеляна и буду отрезать ему по полпальца, пока он не согласится, – зло пообещал Тугутов, – по кусочку, пока он не захочет отдать мои деньги...

– Тише, – в очередной раз попросил адвокат, – постарайтесь держать себя в руках.

– Я еще раз переговорю с ним, – пообещал Павел Леонидович, поднимаясь из-за стола, – но вы должны понимать, что я всего лишь представляю их интересы.

– И собственные, – жестко добавил Тугутов, – не пытайтесь делать свою игру, Рожкин. Вы можете все потерять.

– До свидания, – быстро сказал Павел Леонидович. Было понятно, что ему не нравится такое общество.

Он отошел, довольно быстро спустился по лестнице. Тугутов еще раз стукнул кулаком по столу.

– Никогда в жизни не буду никому помогать, – пообещал он, – она тогда готова была мне ноги целовать, а сейчас стала графией.

– Принесите нам коньяк, – попросил Ле Гарсмер, обращаясь к официанту. Очевидно, чтобы успокоить своего клиента.

– Тогда она была девочкой из... – как это по-русски? – провинциаль... – чуть запнулся адвокат.

– Из провинции, – нехотя поправил его Тугутов.

– Правильно. Девочка из провинции. А сейчас она графиня. Ее статус сильно переменялся, и вы должны это понимать.

– Она и графиней стала благодаря мне, – выдохнул Тугутов.

Принесли заказанный коньяк, и адвокат предложил своему клиенту выпить рюмку. Тугутов выпил залпом первую рюмку, потом вторую. Немного успокоился.

– Разве дело только в деньгах? – мрачно сказал он.

Адвокат молчал. Он знал, что иногда лучше помолчать, давая клиенту возможность выговориться.

– Я даже не могу вернуться в Москву, – еще раз вздохнул Тугутов, – и в такой момент она готова меня предать. Ей,

видите ли, нельзя общаться с таким подозрительным типом, как я. А когда она жила за мой счет, то не думала о том, насколько я подозрительный тип. И охотно принимала мои деньги.

Он выпил третью рюмку. Потом тяжело поднялся.

– Я не хочу есть. Сейчас вызову Савелия, пусть снимет мне номер в этом «Морисе».

– «Мерис», – напомнил Ле Гарсмер, – это очень известный отель. Он находится напротив «Лотти», как раз за углом. Говорят, что там любил останавливаться великий русский композитор Чайковский. Очень хороший отель.

– Ну, если Чайковский тоже любил, тогда пойду и я. Расплатитесь с ними и приходите в отель через два часа. Я немного отдохну.

Он вышел из ресторана. Подошедший официант принес заказанную рыбу.

– Оставьте, – разрешил адвокат, – я доем свою порцию. А вторую можете унести. Мсье не захотел есть.

Дронго уже поел, но продолжал сидеть за столом, решив подождать, пока Ле Гарсмер не закончит обедать. Адвокат молчал около трех минут, очевидно, управляясь со своей порцией. Затем достал телефон, набрал номер.

– Добрый день, господин Аракелян, – сказал он по-русски.

Его собеседник ему ответил. И возможно, спросил, почему Ле Гарсмер звонит с этого номера.

– Это не мой телефон, – пояснил адвокат, – это номер за-

регистрирован на мою супругу. Поэтому мы можем спокойно говорить. Да, сюда приходил ваш юрист. Он передал ваши слова моему клиенту. Нет. Конечно, нет. Господин Тугутов был очень недоволен. Он считает себя обманутым. Да, все правильно. Пять миллионов, которые он хочет себе вернуть.

На этот раз он замолчал на полминуты. Затем сказал:

– Я все понимаю, господин Аракелян. Но и вы должны понимать, что не все так просто. Этот контракт был заключен благодаря моему клиенту. И тогда они договорились с госпожой Малаевой... Да, конечно, извините, с госпожой графией о том, что все деньги за этот контракт в течение первых трех лет будут поделены ровно пополам.

Он опять достаточно долго молчал. Видимо, Аракелян возражал бурно и долго.

– Я прекрасно понимаю вас. Но уговорить его не смогу. Нет. И вы должны тоже понимать, что это невозможно.

На этот раз Аракелян возражал так громко, что звуки из мобильного телефона адвоката были слышны и за соседними столиками. Ле Гарсмер поморщился.

– Не нужно так нервничать, – попросил он, – если мой клиент узнает, что мы с вами разговариваем, то он очень разозлится. Ему это не понравится. Я считал, что мы можем договориться, чтобы все остались довольны...

Видимо, Аракелян прервал его и сказал нечто неприятное, отключившись. Дронго услышал, как адвокат негромко выругался. Затем подозвал официанта, чтобы заплатить за

обед. Дронго обернулся. Высокий, худощавый, с торчащим платочком из нагрудного кармана, этот франт был типичным французом, похожим на птицу с большим клювом. У него был длинный, вытянутый нос, кустистые брови, редкие седые волосы. На вид ему было не больше пятидесяти пяти.

Ле Гарсмер расплатился и пошел к лестнице. Дронго отвернулся, подзывая своего официанта.

«Кажется, классическая ситуация, когда все против всех, — подумал он, — впрочем, ничего удивительного, если речь идет о такой крупной сумме». У Тугутова начались неприятности примерно полтора года назад, и он вынужден был уехать из Москвы. И наверняка за это время потерял достаточно много денег и теперь нуждается в тех пяти миллионах, которые ему должна выплатить Ирина Малаева. Именно поэтому он попытался договориться с ней в «Ритце», когда разговор получился достаточно бурным. И на их скандал собрались сотрудники отеля и журналисты. Тогда об этом написали многие французские газеты. И теперь Тугутов упрямо хотел встретиться со своей бывшей подопечной еще раз. Судя по всему, он не мог успокоиться и хотел получить причитающуюся ему сумму.

И самое неприятное, что об этих деньгах уже знало достаточно много людей. А когда о деньгах знают столько посторонних, может произойти все, что угодно. Интересно, как реагирует сама графиня на подобную ситуацию?

Он прошел в отель, когда увидел сидящих в холле Пав-

ла Леонидовича Рожкина и молодого человека, которого он называл Славиком. Они о чем-то негромко разговаривали, и, судя по возбужденному виду Славика, ему явно не нравились слова его старшего собеседника.

Дронго подошел к бармену, попросив дать ему стакан минеральной воды. На диване продолжали разговаривать Павел Леонидович и Славик.

– Аракелян не разрешит ей отдать такие деньги, – говорил Павел Леонидович, – он считает, что Тугутов просит слишком много.

– Тугутов – настоящий бандит, – напомнил Славик, – ему может не понравиться такой ответ. Я бы на месте Левона Аратешевича был более уступчивым.

– Это не его деньги, – напомнил Рожкин, – не забывай, что он сам ничего не решает. Наверняка Ирина тоже не хочет отдавать их Тугутову, считая, что он и так уже много получил.

– Вы же сами говорили, что она сука.

– Еще какая. Сейчас она готова кинуть Тугутова, у которого начались неприятности. А если завтра понадобится кинуть Аракеляна, она сделает это не задумываясь. И меня тоже может выгнать в любую секунду. Как только поймет, что меня можно заменить.

– Он был ее любовником, – нервно напомнил Славик.

– Если начнем считать ее любовников, то не хватит пальцев двух рук, – поморщился Рожкин, снимая очки и протирая их платком, – и двух ног тоже, – добавил он через

несколько секунд, — но все это к делу не имеет никакого отношения. Есть много мужиков, которые используют женщин и просто забывают про них. А есть женщины, которые умеют использовать мужчин и также забывать про них. Или, еще хуже, бросать их. Вот такая и наша графиня. Она умеет выжимать из мужиков все, что ей нужно. Досуха. А потом выбрасывает их, как выжатые лимоны.

— Поэтому ее все так ненавидят, — подвел неутешительный итог Славик, — даже ее работницы. Я все время боюсь, что кто-нибудь из них ее отравит. Галине она недавно надавала пощечин прямо при служащих отеля в Нью-Йорке, а Беату уже несколько раз собиралась уволить. И с Тугутовым она ведет себя глупо. После этого скандала в «Ритце», когда они так громко поругались. Ведь она тогда жила с этим итальянцем, про которого тоже все знали.

— Он не итальянец, а испанец, — недовольно напомнил Павел Леонидович, — ты уже должен был запомнить. Он один из самых известных фотографов в Европе — Энрико Тенерифе.

— Какая разница. В любом случае она чуть не довела Тугутова до бешенства. Приехать к своей любовнице и обнаружить у нее в постели соперника. И еще узнать, что твоя бывшая содержанка украла твои пять миллионов. Удивляюсь, как он еще все это терпит.

— А он и не терпит. Поэтому здесь и появился. И конечно, он разозлился. И еще мне очень не нравится его адвокат. Этот скользкий тип — Ле Гарсмер. Я до сих пор не знаю, ка-

ким образом Аракелян узнает о наших разговорах с Тугутовым. У меня все время такое ощущение, что кто-то сообщает Левону Арташесовичу о наших переговорах еще до того, как я начинаю разговор с ним.

– Что будем делать? Вы говорили, что мы можем быть посредниками и получить свои проценты.

– Ты сам говоришь, что Тугутов – настоящий бандит. А наша звезда – стерва, готовая обмануть всех, в том числе и Аракеляна. Он еще даже не подозревает, что она открыла два новых счета в Канаде и в Австрии. Я об этом сам узнал случайно, когда среди бумаг обнаружил два подтверждения. Может, она открыла еще где-нибудь новые счета, о которых никто не знает. Просто гениальная дамочка. Готова кинуть всех. Своего бывшего покровителя, своего продюсера, своего юриста, своего нынешнего любовника и, конечно, своего мужа. Всех, кого только можно.

– Нужно сказать об этом Аракеляну.

– Зачем? Он устроит скандал, и она станет в тысячу раз осторожнее. А я ничего не буду знать и лишусь последнего козыря. Как придет время, я скажу. Но пока еще рано. Пойдем наверх. Здесь могут быть люди, понимающие русскую речь, – предложил Павел Леонидович.

Поднявшись с дивана, они прошли к кабинам лифтов. Дронго остался стоять у барной стойки, допивая свою воду.

«Такой клубок змей в одной месте, – снова подумал он, – кажется, все окружение графини ее ненавидит. Интересно,

догадывается ли она об этом?»

Он не мог предположить, что узнает обо всем уже сегодня вечером.

Глава третья

Поднявшись в свой номер, Дронго переоделся. Затем снова спустился вниз. Посмотрел на часы. Примерно через тридцать минут он встречается со своим знакомым на бульваре Монпарнас. Нужно взять такси и проехать туда, чтобы успеть к назначенному сроку. Выйдя из отеля, он попросил швейцара остановить ему такси. Прямо у входа стоял представительский «Фольксваген»-фаэтон, к которому вышел высокий мужчина. Это был один из тех, кто сопровождал приехавшую звезду. Он оглянулся по сторонам и открыл заднюю дверцу машины. Очевидно, это был телохранитель графини. Еще через несколько секунд появилась сама звезда в сопровождении Аракеляна. Выходя из отеля, она открыла свой серебристый клатч, и оттуда что-то выпало прямо под ноги Дронго – нечто металлическое характерно звякнуло. Он быстро наклонился, чтобы поднять упавший небольшой ключ. Протянул его женщине.

– Возьмите, – сказал он по-английски.

У нее были красивые глаза. Она оценила его высокий рост, широкие плечи, модный костюм, немного насмешливый взгляд и ловкость, с которой он поднял ее ключ.

– Спасибо, – кивнула она, чуть улыбнувшись и проходя к своему автомобилю. Аракелян уселся с другой стороны. Телохранитель, заметивший эту сцену, захлопнул за ней дверь.

цу представительского «Пежо» чуть сильнее, чем следовало. Взглянул бешено на Дронго. Очевидно, это был тот самый Алан, о котором Дронго уже слышал. Они были одного роста, но телохранитель был гораздо моложе и более подтянут. Алан уселся впереди, рядом с водителем, и машина тронулась.

«Несчастливая женщина, – огорченно подумал Дронго, – этот телохранитель, кажется, действительно ее ревнует».

Он сел в подъехавшее такси и поехал на бульвар Монпарнас, где у него должна была состояться важная встреча. Встреча затянулась, и он вернулся в отель через полтора часа. За это время ему дважды звонила журналистка из местной англоязычной газеты, которая хотела с ним переговорить. Он согласился встретиться в холле отеля, назначив ей встречу в «Лотти». Когда он приехал в гостиницу, ее еще не было, очевидно, она опаздывала. Дронго уселся в холле на диване, когда появилась Ирина Малаева в сопровождении своих мужчин. Впереди шел Алан. За ним сама графиня. Сопровождал эту процессию Аракелян. В этот момент в холле появилась журналистка, которая, бесцеремонно растолкав окружающих, спросила у портье:

– Меня должен ждать господин Дронго. Вы не знаете, в каком он номере?

Услышав эти слова, Малаева остановилась и оглянулась.

– Дронго? – заинтересованно спросила она у своего телохранителя, – это не тот эксперт, о котором ты мне рассказы-

вал, Алан?

Телохранитель также остановился и оглянулся по сторонам.

– Похоже, что его здесь нет, – угрюмо произнес он.

– Мсье ждет вас в холле отеля, – показал портье гостье.

Журналистка повернулась к Дронго. Графиня и сопровождавшие ее мужчины взглянули на незнакомца, поднявшегося с дивана. Ирина узнала мужчину, с которым столкнулась в дверях сегодня и который оказался галантным кавалером, вернувшим ей выпавший ключ.

– Добрый вечер, господин эксперт, – громко поздоровалась журналистка.

– Здравствуйте, – кивнул он.

– Вы тот самый Дронго, о котором все говорят? – спросила с явным вызовом Ирина.

– Не знаю, о ком говорят, но меня обычно так называют, – кивнул он.

– И вы говорите по-русски? – уточнила графиня.

– Да, – улыбнулся он.

Она усмехнулась.

– Вот тебе твой герой, Алан, – громко сказала Ирина, обращаясь к своему телохранителю и показывая на Дронго.

Тот мрачно кивнул головой.

– Кажется, мы незнакомы, – сказал Дронго.

– Зато Алан много про вас знает, – ответила за него графиня, – видимо, вы достаточно известны.

Усмехнувшись, она прошла дальше к лифту, рядом с которым еще раз оглянулась. Мужчины, сопровождавшие ее, переглянулись. Дронго остался рядом с журналисткой.

– Кто это такая? – спросила журналистка. Она была небольшого роста, в очках, одетая в смешную, словно детскую, светлую куртку и вельветовые синие брюки. Она была похожа скорее на подростка, чем на взрослую женщину, хотя ей было далеко за тридцать.

– Это графиня Шарлеруа, топ-модель Ирина Малаева, – пояснил Дронго.

– Понятно, – кивнула журналистка, – я сразу подумала, что знакомое лицо. Нужно позвонить в редакцию моим коллегам. У меня другая специализация. Я пишу на криминальные темы, а нашим сотрудникам будет очень интересно взять интервью у самой Малаевой.

– Узкая специализация, – улыбнулся Дронго, – все понятно. Задавайте ваши вопросы.

– А вы говорите по-французски? – уточнила журналистка.

– К сожалению, нет, – признался он, – понимаю только несколько слов. Поэтому нам придется говорить по-английски.

– У нас англоязычное издание, – согласилась журналистка, – поэтому я и приехала к вам.

Интервью затянулось минут на сорок. Он старался отвечать на ее вопросы максимально коротко, но она продолжала уточнять разные детали, стараясь сделать интервью как

можно более объемным. Она задала бы еще несколько вопросов, но тут Дронго увидел, как из кабины лифта выходит Ирина. Она успела переодеться и была в узких, обтягивающих джинсах, красиво сидевших на ее бедрах, и в темной блузке. Рыжие волосы были собраны в длинный хвост, спадающий на спину. Она взглянула на Дронго и прошла к барной стойке, попросив бармена сделать ей «Оскар». После последней церемонии вручения этих престижных кинематографических наград все знали, что наиболее популярный коктейль, который предлагал своим гостям известный австрийский шеф-повар Вольфганг Пак, отвечающий за церемонию банкета, состоял из шампанского, апельсинового ликера и смородинового сока, смешанных в одинаковых пропорциях. На этот случай в лучших ресторанах отеля специально держали смородиновые соки, остальные же ингредиенты всегда имелись в наличии.

Она демонстративно взглянула на эксперта и уселась спиной к Дронго на высоком стуле. И еще раз, обернувшись, взглянула на него. Он, улыбнувшись, кивнул ей. Бармен поставил коктейль на стойку, и Ирина протянула руку. Блузка пошла немного вверх, обнажая полоску загорелого тела. Собеседница Дронго тоже обратила внимание на эту полоску тела и неодобрительно покачала головой. С ее точки зрения, такой красивой женщине сидеть в таком виде было просто недопустимо.

– Давайте закончим, – предложил Дронго назойливой

журналистке, – по-моему, я ответил на все ваши вопросы.

– Кажется, вы хотите быстрее от меня отделаться, – усмехнулась журналистка, – я вас вполне понимаю. Вам гораздо интереснее разговаривать с другими, – она показала в сторону Ирины.

Он промолчал. Они сидели достаточно близко к барной стойке, и Ирина могла слышать ее слова.

– Заканчиваем, – снова предложил Дронго.

– Еще три вопроса, – попросила настойчивая особа, и он согласно кивнул.

– Говорят, что много лет назад вас спасла женщина, – вспомнила журналистка, – спасла ценой своей жизни. Это правда или легенда?

Он нахмурился. Столько лет прошло, а эти воспоминания до сих пор больно ранили его. Нужно было соврать, но соврать именно в этом случае он не может.

– Да, – подтвердил чуть напряженным голосом Дронго, – это было.

Он заметил, как Ирина чуть повернула голову. Очевидно, она слышала и вопрос, и его ответ.

– Вы можете об этом рассказать более подробно? – поинтересовалась журналистка.

– Не могу. Это не только мой секрет.

– Тогда следующий вопрос.

– Два вопроса вы уже задали, – напомнил Дронго.

– Второй был уточняющим первый. И на него вы не отве-

тили, – возразила настойчивая особа.

– Хорошо. Тогда давайте два последних.

– Очень многие специалисты считают вас не просто лучшим экспертом, но и самым опытным аналитиком, который умудряется раскрывать самые запутанные дела. У вас есть какой-нибудь особый секрет?

– Никакого особого секрета нет. Просто нужно научиться слышать людей, чувствовать их состояние, понимать истинные мотивы их поступков. Вот и весь секрет.

– Угу. – Она отметила что-то в своем блокноте, хотя работал ее диктофон. Затем взглянула на спину сидевшей графини и неожиданно спросила, чуть повысив голос: – У меня несколько необычный вопрос. Ведь вы известный человек, и, судя по вашим расследованиям, вам часто приходилось иметь дело с очень известными и красивыми женщинами. Есть мнение, что красота и ум необязательно находятся в гармонии. Во всяком случае, многочисленные анекдоты про блондинок вам наверняка известны. Как вы считаете, возможна подобная гармония? Или красота женщины компенсирует отсутствие мозгов?

«Вот сволочь, – добродушно подумал Дронго», – нарочно задала такой вопрос».

– Не всегда, – ответил он, – есть масса примеров и в истории, когда по-настоящему красивая женщина бывает достаточно умным и тонким политиком. Из истории известны Клеопатра и Мария Стюарт. Или Инесса Арманд, в которую

был влюблен Ленин. Она была очень красивой женщиной и известным политическим деятелем.

– Арманд? – переспросила журналистка. Она явно никогда не слышала этой фамилии.

Ирина снова повернула голову, и он увидел, как она улыбается. Ей явно понравился его ответ. Хотя она почти наверняка тоже никогда не слышала об Инессе Арманд.

– Она жила во время революции, – пояснил Дронго. – Надеюсь, на этом ваши вопросы закончились?

– Да, на этом закончились, – нервно сказала журналистка, взглянув на спину Ирины. – Никогда не могла понять эту современную моду – носить джинсы на бедрах, – не удержавшись, добавила она. – Большое спасибо за интервью.

Они поднялись, и он пожал ей руку.

– До свидания. – Она собрала свои вещи, надела куртку и быстрым шагом вышла из гостиницы. Он прошел к барной стойке и уселся рядом с графией. Попросил налить ему минеральной воды без газа. Она взглянула на него и улыбнулась.

– Умеете чувствовать состояние людей? – по-русски спросила Ирина.

– Пытаюсь, – признался он.

– И не все красавицы обязательно дуры? – рассмеялась Ирина.

– Полагаю, что не все. Исключения вполне возможны.

Она была безупречно красива и сознавала свое преиму-

щество. Поправила волосы. И спросила его:

– Насчет женщины тоже правда? Которая вас спасла.

– Да.

– Интересно. Расскажите, как это случилось? – У нее были идеальные зубы, над которыми наверняка работали не один месяц лучшие стоматологи. Дронго покачал головой:

– Не расскажу.

– Почему? – удивилась она, не привыкшая к тому, что ей отказывают.

– Не хочу. Слишком тяжело. И это не только мой секрет. Она чуть нахмурилась.

– И вы не хотите рассказывать? Даже если я вас попрошу?

– Лучше не просите. Я не хотел бы вам отказывать.

– Уже отказали, – усмехнулась она, – странно. В последние годы мне обычно мужчины не отказывали. Вы первый.

– Спасибо. Приятно в чем-то быть первым. Хотя я не хотел бы отказывать такой красивой женщине, как вы.

– Вы сказали это уже второй раз. Но все равно отказали.

– Очевидно, я не исправим.

– Похоже, – улыбнулась она, – хотя мой телохранитель рассказывал мне о вас разные чудеса. Такие невероятные приключения знаменитого сыщика. Похожего на известного английского сыщика. Про него еще англичане сняли такой интересный фильм. Шерлок Холмс.

– Да, – согласился Дронго, сдерживая улыбку, – был такой известный сыщик.

– Действительно, Шерлок Холмс. Странно, я ведь помнила фильмы про Шерлока Холмса, которые показывали по телевизору. Кажется, там играли Ливанов и Соломин. Виталий. У нас дома был телевизор, и я любила часами сидеть перед экраном. Когда была совсем маленькой. Книг у нас дома почти не было.

Она замолчала. Сделала знак бармену, чтобы он приготовил ей еще одну порцию коктейля. Дронго попросил бармена дать ему то же самое. Она прикусила губу. Посмотрела на сидевшего рядом эксперта.

– Вы любите этот коктейль? – уточнила Ирина.

– Нет. Я заказал его только потому, что он нравится вам.

«Оскар» – так его назвал господин Пак.

– Смело, – кивнула она, – и достаточно честно.

– А зачем вы спустились вниз? – спросил Дронго. – Ведь вы могли заказать себе коктейль прямо в номер.

Она взглянула ему в глаза.

– Я об этом не подумала, – сказала Ирина, – действительно, зачем я спустилась вниз? Похоже, вы можете мне объяснить.

– Одна, без телохранителя, – продолжил в тон своей собеседнице Дронго, – думаю, что вам просто стало интересно. Не знаю, что именно рассказывал вам ваш телохранитель. И еще эта журналистка. Вам стало интересно, и вы спустились вниз.

– То есть из-за вас, – поняла Ирина, – вам никто не гово-

рил, что вы слишком самонадеянны?

– Говорили.

– И вообще, такие слова не говорят женщинам, – сказала Ирина, – вы не джентльмен.

– У американцев есть по этому поводу изречение. «Джентльмен – это человек, который может не соглашаться с вами, оставаясь при этом приятным», – улыбнулся Дронго.

– В таком случае я знаю, почему вы уселись рядом со мной и тоже заказали себе «Оскар», – с вызовом произнесла Ирина, – хотя я не такой известный сыщик, как вы.

– Почему?

– Вам захотелось ближе со мной познакомиться. Поэтому вы свернули свое интервью, присели рядом и демонстративно заказали себе мой коктейль. Или я не права?

– Конечно, правы. Я не думаю, что в мире есть много мужчин, которые бы на моем месте поступили иначе.

– Это комплимент?

– А как вы думаете?

Она провела кончиком языка по губам. Вопреки устоявшейся моде, губы у нее были тонкие.

– Вы опасный зверь, господин эксперт, – негромко произнесла Ирина.

Молчание длилось около тридцати секунд, затем она добавила:

– Во всяком случае, такого зверя в моей коллекции еще не было. – Это было уже больше чем вызов.

– Коллекция большая? – уточнил Дронго.

– Не маленькая, – хищно улыбнулась женщина, – а у вас? Или у такого известного человека нет коллекции?

– Я предпочитаю не обсуждать такие вопросы, – заметил Дронго.

– Вам не кажется, что это ханжество?

– Нет. Просто нежелание обсуждать подобные темы с посторонними. Мне всегда не нравились мужчины, которые любят бахвалиться своими подвигами. Еще с подростковых времен. Как правило, там пятьдесят процентов вранья и еще сорок – бахвальства. Примерно такое соотношение. Как только мужчина начинает вещать о своих победах, можно сделать определенный вывод. Это уже диагноз.

– А женщина?

– В нашем мире не так много женщин, которые могут позволить себе открыто говорить о подобных вещах, – пояснил Дронго, – или вы знаете много женщин, которые могут рассказать о своих похождениях? Уверен, что и вы никогда не станете ничего рассказывать.

– Мы подали с мужем на развод, – сообщила Ирина, – и я могу чувствовать себя свободной женщиной. И говорить все, что я хочу. И вести себя так, как я хочу.

– Разве раньше вам что-то мешало? – иронично уточнил Дронго.

– Нет, – рассмеялась она, – нет. А вы женаты?

– В таких случаях мужчины обычно лгут. Но я не стану

вам врать. Возьму пример с вас. Я женат.

– Это вам часто мешало? – Ее трудно было смутить.

– Нет. Хотя признаваться неудобно.

– Кажется, мы оба достаточно открытые люди, – сказала Ирина, – вы не хотели бы продолжить наше знакомство в моем номере?

Иногда в жизни встречаются и такие женщины. Степень откровенности была абсолютной. Собственно, она уже много лет привыкла вести себя так, как ей нравится. И говорить так, как ей хочется. Именно поэтому она получила невероятную привилегию – самой выбирать мужчин. Даже очень известные и богатые женщины не всегда обладают подобным преимуществом.

– Вы считаете, что я могу отказаться? – поинтересовался Дронго. – В этом случае я должен быть абсолютным идиотом.

– В таком случае не будьте идиотом, – весело произнесла Ирина, поднимаясь со стула.

Он сделал знак бармену, чтобы записать счет на свой номер. Бармен протянул ему счет, и Дронго расписался. Ирина терпеливо ждала. В кабину лифта они вошли вдвоем. Он галантно пропустил ее первой. Пока они поднимались наверх, оба молчали. Вместе вышли из кабины лифта. Прошли по коридору. У соседнего номера стояла тележка горничной. Они обошли тележку, направляясь к сюиту графини. Ирина достала свою карточку-ключ и открыла дверь. Он обернул-

ся. Из соседнего номера вышла молодая горничная, которая стояла у тележки. Ирина вошла в номер и взглянула на гостя.

– Заходите.

Он вошел следом, закрывая дверь ногой. Оба молчали. Затем так же молча шагнули друг к другу. Поцелуй был долгим. Когда она сняла блузку, он расстегнул на ней бюстгалтер. Сам разделся привычно быстро, бросая одежду на пол. С ее джинсами было гораздо сложнее. Они никак не хотели слезать с ее бедер, настолько плотно сидели на ее фигуре. Она уселась на диван, подняв ноги, и он терпеливо начал стягивать с нее джинсы. Оба негромко смеялись. Джинсы сползли вместе с бикини.

И потом он поднял ее на руки и понес в спальню. Он не успел донести ее до кровати, когда кто-то позвонил в дверь. Дронго обернулся, все еще держа ее на руках.

– Не обращай внимания, – посоветовала она, – это кто-то из моих.

В дверь опять позвонили. Дронго бережно положил ее на кровать. Обернулся.

– Я же сказала, чтобы ты не обращал внимания, – уже более нетерпеливым голосом произнесла Ирина, – пусть звонят сколько хотят.

Раздался третий нетерпеливый звонок. Громкий стук в дверь.

– Твои люди выломают дверь, – заметил Дронго.

– Тебе это мешает? Или отвлекает? – поинтересовалась

она.

– Мне все равно.

– Тогда перестань обращать внимание. Пусть звонят. Я не буду отвечать.

Он наклонился к ней, когда раздался телефонный звонок. Звонил ее мобильный телефон, находящийся в другой комнате.

– Пошли они все к черту, – решила Ирина.

Мобильный продолжал звонить.

– У тебя все встречи проходят под подобный аккомпанемент? – спросил он, все еще стоя в неудобной позе над ней.

– Все. Иногда за дверью еще и дежурят журналисты, – нагло ответила женщина. – Может, хватит болтать? – Она подняла руки, обнимая его. Тела соприкоснулись. И в этот момент зазвонил городской телефон, стоявший на тумбочке рядом с кроватью. Она машинально перестала его обнимать, протянула руку, затем замерла.

– Возьми трубку, – посоветовал Дронго, – это кто-то из твоих близких, которые приехали с тобой в отель.

У нее было ухоженное тело красивой молодой женщины. Было заметно, что бережный лазер выжег всю возможную растительность на ее теле, а профессиональные массажи и правильный уход довели его почти до совершенства. К тому же ее тело приятно пахло лавандовым маслом. Он подумал, что с нее могли бы писать картины художники, настолько совершенной была эта красота. Хотя наверняка это

должны были быть современные художники. В размеры тичиановских или рубенсовских матрон она явно не вписывалась. Глядя ему в глаза, она протянула руку и взяла трубку телефона.

– Кто говорит? – недовольным голосом спросила Ирина.

Ей что-то сказали. Было заметно по ее глазам, как она удивилась. Ирина привстала.

– Что? Как это «приехал»? Он с ума сошел?

Позвонивший что-то говорил. Ирина сжала зубы.

– Он кретин, – зло произнесла она, – пусть будет в твоём номере. Я сейчас приду. Да. Скажи, что я прямо сейчас приду.

Она бросила трубку. Взглянула на Дронго.

– Кажется, ничего не получается, – сквозь зубы произнесла Ирина, – только что в отель приехал мой муж, который хочет срочно со мной встретиться. Сейчас он в номере у Аракеяна. Мне нужно обязательно узнать, зачем он приехал.

– Я могу подождать здесь. – В таком состоянии трудно отказать от подобной женщины. Дронго проявил слабость. Он не мог просто так отказать. В его положении миллионы мужчин поступили бы подобным образом. Потом ему часто было стыдно за такое проявление чисто мужской слабости. Но когда в нескольких сантиметрах от тебя такое совершенное голое тело, а тебе нужно встать и уйти, поневоле становишься слишком нетерпеливым.

– Я могу подождать, – повторил он, понимая, что выгля-

дит достаточно глупо.

Но Ирина упрямо покачала головой.

– Нет, – твердо сказала она, – тебе нельзя здесь оставаться. Он может войти сюда. Возможно, это провокация, чтобы лишить меня причитающейся доли при разводе. Тебе нужно уйти отсюда незамеченным. Господин эксперт, понадобятся все ваши навыки, чтобы исчезнуть незаметно.

Он все понял и согласно кивнул. Наклонился и поцеловал ее в грудь.

– Хорошо, – сказал Дронго, – постараюсь исчезнуть незаметно. Это уже второй случай в моей жизни.

– В каком смысле «второй»? Разве мы раньше встречались? – удивилась она.

«Журналистка была права, – подумал Дронго, – такое тело и мозги не всегда в гармонии».

– Нет, – пояснил он, – просто второй раз подряд я встречаюсь с замужней женщиной, когда появляется ее муж. Прямо как в скверном анекдоте.

Он повернулся, чтобы вернуться в гостиную, где была разбросана его одежда.

– А жаль, – услышал он за своей спиной ее голос.

Глава четвертая

Выйти незаметно оказалось совсем несложно. Она накинула халат на голое тело и стремительно, уже не оборачиваясь, вышла из своего номера, чтобы постучаться в соседний сюит, где находился ее приехавший супруг. Дронго оделся и подошел к двери. Прислушался. Посмотрел в глазок. В коридоре никого не было. Он осторожно открыл дверь и вышел. Огляделся. Сделал только два шага по направлению к лифту, когда услышал, как открывается дверь другого номера. Добежать до лифта или до угла он бы не успел. Поэтому Дронго спокойно сделал следующий шаг. Ведь он может просто идти по коридору из другого номера. Но в коридор вышел Алан. Он тоже был в халате. Очевидно, он слышал, как стучали в ее дверь и как она не открывала. Мужчины замерли, стоя друг против друга в двух метрах.

– Вы, кажется, перепутали номера, – сказал Алан по-русски, – ваш номер в другом здании.

– Наверное, перепутал, – согласился Дронго.

Они были одинакового роста. И было заметно, как Алан нервничает.

– Вы всегда поднимаетесь к женщинам в номер, как только познакомитесь с ними? – поинтересовался телохранитель.

– Не всегда. Я случайно здесь оказался.

– В этом крыле нет других номеров, господин эксперт, –

с трудом сдерживая гнев, сообщил Алан, – здесь только три наших номера. Или у вас были дела с господином Аракеляном?

– Нет. Никаких дел у меня с ним не было и не могло быть. У меня несколько иная сексуальная ориентация, – пошутил Дронго, – я не интересуюсь мужчинами.

– Боюсь, что у вас могут быть серьезные неприятности, если вы не перестанете интересоваться и женщинами, – сказал Алан с явной угрозой, – и ваш статус в этом случае вас не спасет.

– Хорошо. Учту ваше предупреждение, – кивнул Дронго, – у вас все или вы хотите сообщить мне еще что-нибудь приятное?

– До свидания. – Алан посторонился, пропуская эксперта. Дронго прошел к лифту, но, передумав, начал спускаться по лестнице. Когда он спустился на два пролета и посмотрел вверх, он увидел, как внимательно и неприязненно следит за ним сверху Алан.

«У этого молодого человека чувство собственника слишком сильно развито, – подумал Дронго, – такая форма ревности».

Он спускался по лестнице, когда увидел, как наверх поднимается, тяжело дыша, Павел Леонидович. Очевидно, его позвали, так как он задыхался, взбегая по лестнице. Ему пришлось бежать вверх, на третий этаж, не дожидаясь вызванного лифта. Дронго посторонился, пропуская юриста.

Уже в холле он подошел к портье.

— Когда уезжает господин Рожкин? — уточнил Дронго. Он понимал, что ему не сообщат о времени отъезда графини и топ-модели. А насчет Рожкина никаких запретов не было.

— Через два дня, — посмотрел портье, — вы хотите оставить ему сообщение?

— Нет, — ответил Дронго, — я позвоню ему в номер.

Он прошел дальше, направляясь к новому корпусу, в котором был и его номер. Поднялся в свою комнату, снял пиджак, расстегнул галстук. Устало вздохнул.

«Больше никогда в жизни не стану встречаться с замужними женщинами», — подумал он, вспомнив сегодняшнее фиаско — второй случай подряд. Как будто нарочно. Причем она уже в стадии развода. И вот такая глупость. Конечно, Ирина не самая умная женщина, с которой он встречался в своей жизни. Но, возможно, одна из самых эффектных. Это совершенное тело модели, эти небольшие красивые груди, плоский живот, длинные ноги, бархатную поверхность кожи — он запомнит на всю жизнь. Некое чувство неудовлетворенности шевельнулось в душе.

«Так тебе и нужно, — с иронией подумал Дронго, — всегда гордился своей независимостью в отношениях с женщинами. Кажется, я в любой момент мог остановиться и уйти. И не сожалеть о произошедшем. Но это было раньше». А сейчас, с топ-моделью, которая годится ему в дочери по возрасту, он остро почувствовал неудовлетворенность после

встречи. Впервые в жизни он пытался настаивать, уже понимая, что все бесполезно. Впервые в жизни он не мог смириться с реальностью, полагая, что все можно повернуть в свою сторону. «Это тоже своеобразный урок», – подумал он.

Разумеется, она очень красивая женщина и прекрасно знала, как именно себя вести. Но он не мог заставить себя оторваться от нее, смириться с тем, что сама встреча сорвалась.

Он поднялся и, раздевшись догола, прошел в душевую кабину, сделал максимально возможную горячую воду и встал под нее, немного успокаиваясь.

Потом он еще долго сидел перед телевизором, не разрешая самому себе признаться, что сожалеет о произошедшем. Ночью он заснул достаточно поздно, ворочаясь в кровати, чего давно с ним не случалось. И всю ночь он видел эротические сны, в которых встреча с Ириной начиналась и заканчивалась так, как она должна была закончиться. Утром он проснулся опустошенный и невыспавшийся.

К завтраку спустился почти сразу, успев побриться и надеть свежее белье. В ресторане за отдельным столом завтракали Галина и Беата. За другим столиком находились Павел Леонидович и Славик. Остальных членов делегации Ирины Малаевой в ресторане не было. Ни ее самой, ни ее продюсера и телохранителя, ни ее прибывшего супруга. Дронго положил на тарелку ломтик сыра, немного творога и кусочек черного хлеба. Он не любил плотно завтракать. Официанта

он попросил принести ему чай. И уселся за соседним столом. Было слышно, как негромко разговаривают Галина и Беата.

– Что произошло сегодня ночью? – спрашивала Беата. – Я спала, когда ты куда-то ушла.

– Она мне позвонила и приказала прийти к ней. Сначала в десять часов вечера, когда она переоделась в джинсы и блузку. Я уже поняла, что она хочет произвести на кого-то впечатление своей фигурой. Сделала ей макияж и сразу ушла. А потом она позвонила уже в половине двенадцатого и приказала снова сделать ей макияж. Можешь себе представить? За полтора часа два раза меня вызывала. Хорошо, что ты так крепко спишь.

– Я просила Аракеляна, чтобы нам снимали разные номера. Но он сказал, что в Париже очень дорогие гостиницы и нам нужно потерпеть, – сообщила Беата.

– Знаю. Левон Арташесович говорил мне, что ты его об этом просила, но он отказал.

– Но я слышала, как ты уходила.

– Два раза, – призналась Галина, – два раза ночью она меня вызывала, чтобы я сделала ей макияж.

– И ты не знаешь, куда она ходила?

– Понятия не имею. В первый раз, наверное, встречалась с кем-то в отеле. Может, Алана вызвала или тайком принимала своего друга. А ночью сама пошла к нему. Кто ее знает. Она такая стерва, может за одну ночь сменить трех любовников.

Дронго нахмурился. Ему было неприятно слушать подобные разговоры. Значит, Ирина сначала вызвала свою визажистку, чтобы спуститься вниз и увидеть эксперта, с которым ей захотелось познакомиться. Затем они поднялись наверх. На все разговоры ушло не больше получаса. Он вышел в коридор примерно в половине одиннадцатого. Она почти сразу прошла в соседний номер к Аракеляну, чтобы встретить там своего приехавшего супруга. Что было потом? Предположим, что их разговор занял еще около получаса. Или около часа. Что было потом? Потом она снова вызывает свою визажистку, делает очередной макияж и куда-то уходит. Куда может уйти женщина в полночь? Может, опять с кем-то встречалась в отеле? Только она готовилась явно не к встрече со своим мужем. И конечно, не с Аланом, которого она могла просто вызвать к себе. Значит, она собиралась встречаться с другим, посторонним мужчиной. Неужели она ходила к Тугутову в соседний отель? «Мерис» находится напротив, нужно только перейти на другую сторону улицы. Он почувствовал некий укол ревности. Он даже разозлился на себя. Неужели он действительно ее ревнует? Ему всегда казалось, что это чувство испытывают только неполноценные индивиды, не готовые признавать свою ущербность. Если быть абсолютно объективным, то в ревности только немного любви или страсти, а все остальное – чувство уязвленного самолюбия.

Он всегда презирал чувство собственника. Всегда считал

себя выше подобных подозрений. Ревновать или завидовать может только глубоко ущербный человек, считал Дронго. Который не хочет осознавать свою неполноценность, но сознает, что другой оказался более удачлив и счастлив.

«В нас еще так много животного», – с огорчением подумал Дронго. С одной стороны, можно только посмеяться над вчерашней ситуацией, когда в самый решающий момент появился ее муж, как в скверном анекдоте. А с другой – у нее было слишком совершенное тело и красивое лицо, чтобы он не почувствовал вожделение плоти, которое оказалось сильнее разума. И сегодня, сейчас он чувствовал уколы ревности, сознавая, насколько несостоятельны его возможные претензии к женщине, с которой он вчера познакомился.

– Она всегда что-нибудь придумывает, – мрачно согласилась Беата, – я вообще думаю, что мне нужно искать себе новую работу. Она говорила, что ищет себе нового массажиста – мужчину. Ей кто-то сказал, что для правильного массажа должен быть массажист мужчина. Женщину должен массировать мужчина, а мужчину – женщина. Такая глупость. Видимо, ей опять не хватает нового мужчины. И ей нужны острые ощущения, которые я ей дать не могу.

– Тише, – попросила Галина, – нас может услышать этот юрист, – показала она в сторону Павла Леонидовича.

– Его волнуют только ее деньги, – отмахнулась Беата, – он готов предать ее и всех нас из-за лишней копейки. Никогда в жизни не встречала более жадного мужчину. Посмотри, он

даже своего помощника сюда вызвал, чтобы жил в отеле за счет хозяйки.

– Им она сняла два номера, а для нас пожалела, – сказала с неожиданной ненавистью Галина.

– Это Аракелян, – напомнила Беата, – он согласен платить за помощника юриста и не разрешает нам жить в отдельных номерах. Нужно уходить, пока не выгнали. Я больше не хочу с ней оставаться. Она даже не чувствует, как я ее ненавижу. Все время делает мне замечания. Может лежать голой и принимать других мужчин. А я стою рядом и делаю ей массаж. И не только массаж...

– Я все знаю, – печально произнесла Галина, – с ней всегда бывают проблемы. Но зато она платит. И все довольны. Даже Левон Арташесович.

– Потому что Аракеляна ее прелести, это правильное слово – «прелести», его не волнуют. А вот Алан сходит с ума. И ей нравится его все время мучить.

– Мне тоже все надоело, – призналась Галина, – только куда я смогу уйти? Вернуться к себе в Люблино. Кроме мамы, младшей сестры и моего шестилетнего сына, я больше никому не нужна. Сестра учится заочно в институте и получает зарплату секретарши в своем техникуме. А мама уже давно болеет и получает нищенскую пенсию. Без моих денег они просто пропадут. Поэтому я никуда не могу уйти.

– Я тебя понимаю, – кивнула Беата, – это всегда сложно. У меня дочь уже взрослая, вышла замуж. Он хороший па-

рень, работает в железнодорожной компании, нормально зарабатывает. А с мужем я давно развелась.

– Тебе легче, – согласилась Галина, – отвечаешь только за себя. А мне гораздо сложнее. Ой, который час?

– Уже половина десятого, – взглянула на часы Беата.

– Тогда есть еще много времени, – успокоилась Галина, – она приказала зайти к ней в половине одиннадцатого. Сегодня в двенадцать она должна быть в доме Ланвина.

– Значит, я ей сегодня не буду нужна, – поняла Беата.

Они поднялись и пошли к выходу из ресторана. Дронго не повернул головы в их сторону, чтобы не привлекать к себе внимания. Он видел, как сидевший чуть дальше Павел Леонидович и его помощник негромко переговариваются.

Допив свой чай, он вышел из ресторана. И увидел стоявших внизу Аракеляна и неизвестного мужчину лет сорока. У мужчины были зачесанные назад темные волосы, длинное, немного вытянутое лицо, глубоко вдавленные глаза. Он был чуть выше среднего роста, одетый в темный костюм, белую сорочку и галстук известной итальянской фирмы, чьи галстуки считались образцами элегантности. В нагрудном кармане торчал платок. Они негромко о чем-то переговаривались на французском языке. Было заметно, что незнакомец нервничает. Аракелян пытался его успокоить, но мужчина злился и, перебивая своего собеседника, снова и снова что-то доказывал.

Дронго подошел к портье. Сегодня дежурила другая жен-

щина.

– Доброе утро, – поздоровался он, – я собирался завтра уехать. Можно продлить мое проживание еще на одни сутки?

– Сейчас посмотрю. – Она включила свой компьютер, начала проверять свободные номера. Затем утвердительно кивнула головой. – Да, это возможно. Я продлила вам проживание еще на одни сутки. Вы говорите по-русски? – неожиданно спросила она.

– Говорю, – ответил Дронго.

– Я из Киева, – пояснила портье, – меня зовут Людмила. Очень приятно.

– И мне приятно. Скажите, пожалуйста, в вашем отеле живет граф Шарлеруа?

– Нет, – сразу ответила, улыбнувшись, Людмила, – меня уже с утра несколько раз спрашивали. У нас живет его супруга. Известная топ-модель Ирина Малаева. А ее супруг живет в соседнем отеле. Если пройти немного дальше под аркадами, по направлению к саду Тюильри, то можно увидеть этот отель. «Вестин». Метров в пятидесяти от нас.

– Кажется, раньше там был «Интерконтиненталь», – вспомнил Дронго.

– Правильно. Вы раньше бывали в этом отеле?

– Нет. Я раньше часто жил в вашем отеле, – пояснил он, – а откуда вы знаете, где живет граф?

– Из Интернета, – улыбнулась Людмила, – там уже сооб-

щили, что граф и графиня живут в соседних отелях. Ничего особенного. Они ведь официально подали на развод.

– В вашем холле стоит неизвестный человек, который разговаривает с продюсером госпожи Малаевой, – сказал Дронго, – может, он и есть тот самый граф Шарлеруа?

– Сейчас посмотрю в Интернете, – решила Людмила, – там обязательно должна быть его фотография. Вы знаете, сколько фотографий Ирины в Интернете? Я только сегодня узнала. Больше двух тысяч. Французы просто без ума от нее. Хотя не только французы. Американцы собираются предлагать ей новые роли в Голливуде. И у нее столько поклонников. Говорят, что она была близка даже с... – Она назвала фамилию известного голливудского актера, и Дронго снова почувствовал укол ревности. Актер был на несколько лет старше него. – Вы представляете, – продолжала говорить Людмила, – ведь ей только двадцать восемь. А он годится ей в отцы. Но все пишут, что у них был бурный роман.

– Возможно, это слухи, – вздохнул он, понимая, что все слухи о такой красивой и свободной женщине могут оказаться правдой. Она была слишком обворожительна, слишком вызывающе сексуальна и не имела никаких комплексов. Такая смесь делала ее жизнь предсказуемо бурной.

– Это он, – сообщила Людмила, посмотрев на собеседника Аракеляна, – странно, что он разговаривает здесь, а не поднялся к своей супруге. С другой стороны, они ведь разводятся.

– Судя по всему, они ругаются, – показал Дронго в сторону споривших.

– Да, – согласилась она, – по-моему, ругается мсье граф.

– Интересно, что они не поделили? – спросил Дронго.

– Не знаю, – улыбнулась она, – отсюда не слышно.

Граф, закончив выговаривать своему собеседнику, поднял руку и пошел к выходу. Было заметно, как он нервничает. Аракелян остался на месте, словно размышляя, что именно ему следует делать. Затем достал телефон из кармана, посмотрел на аппарат, подумал. И убрал телефон в карман. В этот момент из зала ресторана вышли Павел Леонидович и его помощник. Увидев Аракеяна, они подошли к нему.

– Доброе утро, – поздоровался Рожкин.

– Здравствуйте, – мрачно кивнул Аракелян, – у нас появились новые проблемы. Граф собирается пригласить своих юристов. Он не дает согласие на передачу своего дома в Ницце.

– Но мы вчера договорились подписать общее соглашение. И он был согласен, – напомнил Павел Леонидович.

– А сегодня передумал, – зло пояснил Аракелян, – видимо, ночью опять что-то произошло. С этими аристократами всегда так. Могут выкинуть какой угодно фортель. Не знаешь, что они завтра придумают. В его распоряжении будет целая бригада французских и английских адвокатов.

– Но вчера мы точно договорились, – растерянно повторил Рожкин.

– А сегодня утром он опять передумал! – закричал Аракелян. – Он передумал и теперь не собирается подписывать наше соглашение.

– Почему?

– Идите и спросите у него, – предложил Левон Арташесович, – я сам ничего не понимаю. Позвонил утром и попросил меня вниз спуститься. Я спустился, и он сказал, что ничего не собирается подписывать. Что он передумал. Я ему сказал, что так нельзя делать, ведь вчера мы обо всем договорились. Но он начал орать, что мы его обманываем и он не собирается ничего подписывать.

– Тогда дело передадут в суд, – огорченно сказал Павел Леонидович, – и разбирательство может затянуться на годы. И еще нам придется подбирать местных адвокатов. Знаете, в какую сумму это вам обойдется?

– Он живет в «Вестине» рядом с нами, – показал в другую сторону Аракелян, – вот иди к нему и договаривайся. Я сам ничего не понимаю. Поднимусь и расскажу все его супруге. Пусть она сама решает, как нам быть. И сама объясняется с этим кретином.

Аракелян повернулся и пошел к лифту. Павел Леонидович оглянулся на молчавшего Славику.

– Ничего не понимаю, – сказал он, пожимая плечами, – что там происходит? Какой-то сумасшедший дом.

Дронго, услышавший этот разговор между продюсером и юристом, прошел к бармену и неожиданно для самого се-

бя снова заказал коктейль «Оскар». Словно пытаюсь снова прочувствовать вчерашнее ощущение. Он еще не знал, что именно произойдет в отеле уже через несколько часов.

Глава пятая

Многие часто вспоминают слова великого американского писателя о том, что «Париж – это праздник, который всегда с тобой». Попадая в этот город, он каждый раз вспоминал слова Хемингуэя. Но вместе с тем изменения за последние двадцать пять лет сильно сказывались на облике города и его жителях. Здесь появились уже целые районы, в которых белые люди не решались появляться. И где им вообще не рекомендовалось ходить. Дронго поехал именно в один из таких районов. У него была встреча с одним из цыганских баронов, который должен был передать ему важную информацию о поставках большой партии наркотиков через Румынию. Барон никому не доверял и требовал, чтобы с ним на переговоры приехал только сам Дронго, с которым он был знаком еще с середины восьмидесятых, когда эксперт работал в Румынии...

В Интерполе сочли требование цыганского барона достаточно разумным и попросили Дронго прибыть на эту встречу. Именно поэтому вчера он виделся со связным барона на бульваре Монпарнас, связной и назначил встречу в своем районе. Дронго взял такси, водитель согласился отвезти его в этот район, но предупредил, что не будет ждать ни за какие деньги. В результате Дронго появился в двадцатом районе к полудню, где встретился с нужным ему человеком.

У дома ждали трое мужчин своеобразной наружности. Заросшие, в каких-то непонятных тулупах или куртках, они угрюмо смотрели на подъехавшую машину. Дронго вылез из автомобиля.

– Добрый день, – поздоровался он по-французски.

Все трое мрачно молчали.

– Понятно. – Дронго оглянулся по сторонам. Такси уже уехало. Теперь нужно было решать, как ему поступить.

– У меня встреча с Ратмиром, – громко сказал он по-английски, – кто-нибудь меня понимает?

Подошли еще несколько мужчин. Все по-прежнему мрачно молчали. Он впервые подумал, что не стоило сюда приезжать без оружия.

– Зачем тебе Ратмир? – спросил один из подошедших мужчин на довольно приличном английском языке.

– У меня с ним назначена встреча, – пояснил Дронго.

– Иди в третий дом, – показал мужчина, – тебя проводят. Только сначала мы тебя проверим.

– Давайте, – согласился Дронго, поднимая руки, – у меня ничего нет. Ни оружия, ни диктофона, никаких записывающих или передающих устройств.

– Телефоны тоже оставишь у нас, – предупредил незнакомец.

– Я их не взял, – сказал Дронго, – чтобы вас не беспокоить.

– Правильно сделал. – Говоривший тщательно обыскал гостя, заставив его даже поднять обувь, чтобы проверить по-

дошву. И затем удовлетворенно кивнул.

Молодой человек лет шестнадцати пошел впереди, не оглядываясь, и Дронго двинулся следом за ним. Они прошли несколько домов и вошли в небольшое двухэтажное строение. Молодой человек открыл дверь в одну из комнат, разрешая ему войти. Дронго вошел. За столом сидел Ратмир. Ему было больше шестидесяти. Чисто выбритый, в хорошем светлом костюме, темной водолазке, немного выпученные глаза, темные волосы. Он взглянул на гостя.

– Здравствуй, эксперт, – сказал он по-русски, не протягивая руки, – давно не виделись.

– Двадцать с лишним лет. – Дронго тоже не стал изображать особую радость. Он просто сел напротив на стул. Молодой человек вышел из комнаты.

– Ты изменился, – сказал Ратмир, – постарел.

– А ты не изменился. Остался таким же, – сказал Дронго.

– Пытаюсь хорошо выглядеть. Иначе нельзя. Уже давно волосы крашу. Тебе легче, у тебя волос меньше.

– Да, наверное. Хотя я бы их все равно не красил.

– У каждого свои привычки. Я хочу нравиться молодым девушкам, – усмехнулся Ратмир, – или тебя женщины уже не волнуют? Хотя ты намного моложе меня. Кажется, на десять или пятнадцать лет.

– Волнуют, Ратмир, волнуют.

– А то... Сейчас хорошие таблетки привозят. Мужчинам помогают.

– Мне пока не надо, Ратмир. Сам говоришь о разнице в пятнадцать лет.

– Да, конечно. Ты прав. Значит, сам приехал. А я думал, что не захочешь приехать. Побоишься. Столько лет прошло.

– Разве я должен бояться? Кажется, тогда я поступил достаточно честно.

– Да. Только тогда тебе мало лет было. Молодые редко становятся предателями. Они все еще верят в глупые идеалы. И тогда ты служил за идею. А сейчас время другое. Идеи не осталось. И страны твоей тоже не осталось. Сейчас люди только за деньги служат. И сильно меняются. Очень сильно, эксперт. Сейчас за деньги можно все купить. И все продать тоже можно. Свою молодость, свою старую дружбу, свои идеалы, свои убеждения. Все продается и покупается, эксперт.

– Не все, – возразил Дронго, – не все, Ратмир.

– В этом мире все, – убежденно произнес цыганский барон, – время сейчас плохое. Все можно купить и продать. Абсолютно все.

– Я помню, у тебя дочь была, – неожиданно сказал Дронго, – кажется, ей тогда пять лет было. Нет, семь.

– Память у тебя хорошая, эксперт. Семь лет ей тогда было. Сейчас уже выросла. Ей почти тридцать. И внучку мне родила. А вот ей как раз сейчас семь. Почему о них вспомнил?

– Сколько стоят глаза твоей внучки? Или дочери? В какую цену ты их оцениваешь, Ратмир?

– Что? – не понимая, как ему реагировать, спросил цы-

ганский барон, сжимая два огромных кулака. – Ты пришел мне угрожать? Думаешь их захватить? Взять в заложники?

– Не говори глупостей. Ты сам сказал, что на деньги можно купить все. И тогда я снова спрашиваю: скажи, в какую цену ты оцениваешь глаза своей дочери или внучки? А если такой цены в мире нет и все золото мира ничего не стоит по сравнению с их глазами, то больше не говори мне, что сегодня все можно купить и продать. Не все, Ратмир, далеко не все.

Цыганский барон нахмурился. Медленно разжал кулаки. Потом покачал головой.

– Станный ты человек, эксперт. С огнем играешь. Не говори больше никому такие слова. Человек может начать тебя резать раньше, чем ты сможешь что-либо объяснить.

– Не начнет. У каждого есть что-то самое важное, самое дорогое. Чего нельзя купить ни за какие деньги. У одних это близкие люди, у других это их Бог, а у третьих свои принципы, за которые они умирают. У каждого есть что-то свое. У каждого свой бог, которым нельзя торговать, Ратмир.

– Красиво говоришь, эксперт, – вздохнул барон, – говори, зачем пришел?

– Я пришел за информацией, – напомнил Дронго, – условия Интерпола ты знаешь. Они не трогают ни тебя, ни твою семью. Можете оставаться жить во Франции. С французским правительством они договорились.

– У меня большая семья, – сказал Ратмир, – человек семь-

десять. Двоюродные и троюродные братья.

– Есть список?

– Конечно. – Ратмир вытащил список, протянул бумагу.

Дронго взял бумагу и, не читая, положил в карман.

– Передам, – пообещал он, – хотя твоя семья очень сильно выросла.

– Я не могу бросать родственников, – пояснил барон, – у нас так принято.

– Куда придет груз?

– В Констанцу. Четвертого в три часа дня. Судно из Турции. Привезут оконные рамы, в них будет героин. Самая большая поставка. Четыреста килограммов. Но груз будут охранять. Там нужен целый полк полицейских. Мне говорили, что на судне будет не меньше двадцати охранников с автоматами и пулеметами. Может, даже больше. Будут жертвы.

– Не будут, – возразил Дронго, – там все продумают, просчитают...

– Да. И учти... Если бы они не убили моего сына, я бы не стал вам ничего говорить.

– Я слышал об этом. Прими мои соболезнования.

– Спасибо. Ты можешь идти.

– Будь здоров, Ратмир. Может, увидимся еще через двадцать пять лет.

– Не увидимся, – упрямо ответил цыганский барон, – и ты об этом знаешь, эксперт, лучше меня. Там тоже не дураки сидят. Если смогли такую партию организовать. Ты ведь все

лучше меня понимаешь. Они тоже считать умеют. И сразу вычислят, кто именно их подставил. И почему – они тоже поймут. А прятаться глупо. Все равно найдут. Поэтому срок у меня остался совсем небольшой. После четвертого числа. Один месяц, самое большое.

Дронго молчал. Ратмир усмехнулся.

– Уходи, – разрешил он.

Дронго поднялся, чтобы выйти.

– Подожди, – попросил Ратмир, – еще немного.

Он тоже поднялся, подошел к своему гостю.

– В моем положении уже никому нельзя было верить, – сказал Ратмир, – ты должен меня понять. Никому нельзя было верить. Ни вашим, ни нашим. Интерпол мог прислать с тобой полицейских, а мои враги купить тебя за большие деньги. Я думал, что ты не захочешь сюда приезжать. Один и без оружия. Ты смелый человек, эксперт. Хочу тебе сказать. Ты не изменился. Совсем не изменился.

Ратмир протянул руку. Дронго пожал ему руку.

– Есть специальные программы, – сказал он, – тебя могут спрятать и обеспечить твою безопасность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.